

В конце XI в. в экономике и в политическом строе Византии произошли крупные перемены. Власть перешла в руки провинциальной военно-земледельческой знати. Династия Комнинов уже не склонна была защищать интересы торгово-ремесленных кругов. Совершенно изменилось правое положение и экономическое влияние иностранного купечества. Если в X в., судя по статьям «Книги эпарха», иностранные купцы были весьма ограничены в правах⁵, то с конца XI в. им были предоставлены особые привилегии⁶, которые фактически свели на нет бывшие преимущества местных корпораций.

Естественно, что привилегированное положение иностранного купечества не могло не отразиться и на экономике пригородов, где имелся ряд важных производств. Ненависть к «латинянам» стала общей, как у городских, так и у пригородных жителей.

Черты социально-экономического развития Византии, присущие ей в течение нескольких веков, уже с середины XI в. перестают быть для нее характерными. Вместо скупки крестьянских участков, сгона крестьян и организации барского хозяйства⁷ стал развиваться институт пронии, как преобладающая форма общественных отношений в византийском феодальном государстве. Невозможно понять сущность политических и социальных конфликтов XII в., игнорируя сложность и — если можно так выразиться — многообразие процесса утверждения этого института⁸.

Институт пронии в том виде, как он укрепился в XIII—XIV вв., произошел из самых разных форм предоставления государством отдельным лицам прав на получение доходов. Как совершенно правильно отметил Г. Острогорский⁹, основой прониарного владения всегда и непременно

PL, t. 85, col. 1222). Эта часть населения Константинополя ничего общего не имела с трудовой беднотой столицы и пригородов. Византийские историки с полным правом относятся с презрением к этой «черни» (*βυλοί*), но они не правы, когда понятие «черни» распространяют на все обездоленное трудовое население столицы. Люмпен-пролетарские массы, оторванные от постоянной трудовой деятельности, привыкшие к нетрудовым источникам существования, могли стать орудием в руках правящих групп и выступать против трудящихся, как это и имело место во время событий 1185—1187 гг.

⁵ Книга Эпарха, IV, 8; V, 5; XX, 2.

⁶ Договора X в. с русскими, основанные на взаимных выгодах торгующих сторон, не предоставляли иностранцам привилегий для организации предприятий внутри столицы. Договора с мусульманами давали привилегии только религиозного порядка. Иного характера был договор мая 1082 г., по которому венецианцы получали существенные привилегии для предпринимательства в самом Константинополе и других городах империи.

⁷ Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 317—321; Jus, vol. III, p. 248, 255; F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927, S. 115.

⁸ Нам непонятно положение А. П. Каждана (Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., 1952, стр. 208) о том, что подлинно научное понимание пронии может быть достигнуто, если этот институт будет рассматриваться не в юридическом плане, а в связи с изменениями форм взимания феодальной ренты. Мы должны напомнить, что при одном и том же виде феодальной собственности могут применяться самые различные формы взимания ренты. Понятие пронии, как и всякой формы собственности и владения, не может быть изучено вне юридического плана, так как собственность есть только юридическое выражение производственных отношений (см. К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 7). Игнорирование юридических норм собственности фактически приводит к отказу от выяснения различных форм собственности, приводит к ограничению анализа экономического строя страны отношениями эксплуататоров к эксплуатируемым, оставляя в стороне экономически-правовую основу отношений между собой различных прослоек внутри господствующего класса феодалов, что чрезвычайно важно при анализе политической борьбы в обществе, разделенном многочисленными сословными перегородками.

⁹ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 83.